

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 9.

1894 г.

Мая 1-го.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, въ связи съ вопросомъ о преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ школахъ.

(Окончаніе) *).

Что касается разсказовъ изъ священной исторіи, о неудовлетворительности которыхъ въ школьномъ обученіи дѣтей тоже говорятъ и разсуждаютъ инспекторы народныхъ училищъ, то плохая постановка и малая плодотворность этихъ разсказовъ объясняются преимущественно также плохою подготовкою дѣтей къ такимъ разсказамъ въ ихъ семействахъ, а затѣмъ—желаніемъ скорѣе получать отъ дѣтей какъ можно болѣе точныхъ, краткихъ и отвлеченныхъ теоретическихъ свѣдѣній по священной исторіи, хотя бы при этомъ забывалось, или по крайней мѣрѣ оставлялось въ сторонѣ, великое воспитательное значеніе изученія этого важнѣйшаго, священнаго предмета.

Первые разсказы изъ священной исторіи дитя должно слышать собственно тоже въ своей семьѣ. Съ развитіемъ пониманія и понятій у ребенка, мать разсказываетъ ему о

*) См. № 8 Епарх. Вѣд

томъ, что все, что онъ видитъ, создано Богомъ, Отцемъ всего міра. Какъ отецъ каждой семьи устрояетъ свой домъ, заботится и промышляетъ о своемъ семействѣ и о своемъ домѣ, любитъ всѣхъ и каждого изъ своей семьи, такъ и Богъ, Отецъ всего міра, устроилъ этотъ міръ по своей безграничной благодати къ людямъ и постоянно промышляетъ о немъ. Богъ и въ полѣ птичку кормитъ и кропитъ росой цвѣтокъ, никогда не оставляя безъ своего попеченія никакого своего созданія. Скорѣе птица оставитъ своихъ птенцовъ, скорѣе мать забудетъ свое дитя, чѣмъ Богъ оставитъ міръ своею любовію и милостію, а безъ Бога міръ не могъ бы существовать и одного мгновенія. Мать говоритъ ребенку и о томъ, что Богъ присутствуетъ вездѣ, но видѣть Его внѣшними очами нигдѣ нельзя. Образъ или икона не то же, что изображенный на ней первообразъ, какъ не есть одно и то же отецъ и фотографическая карточка отца, или не одно и то же — самый предметъ и его рисунокъ или его изображеніе. Раскрывъ предъ сознаниемъ дитяти прекрасную и величественную картину мірозданія: какъ сначала, кромѣ Бога, ничего не было, а потомъ изъ ничего явилось все, по волѣ и благодати Божіей, мать рассказываетъ или читаетъ своимъ дѣтямъ особенно трогательныя мѣста изъ исторіи Вѣтхаго Завѣта, на примѣръ, объ Авраамѣ и Исаакѣ, объ Іосифѣ и его братьяхъ, объ Агари и Руфи, а особенно подробно рассказываетъ изъ исторіи Новаго Завѣта: о жизни Божіей Матери и Спасителя, начиная со дня Его воплощенія и кончая Его страдальческой смертью, славнымъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо. Сочувствіе самой матери къ святымъ словамъ Св. Писанія, ея непоколебимая вѣра въ истину ихъ, выражающіяся въ ея лицѣ, въ звукахъ ея голоса, въ самой ея интонаціи, сильно отзываются и глубоко напечатлѣваются въ свѣжей, дѣвственной душѣ ребенка и, по всей вѣроятности, никогда не изгладятся въ ней, а больше и больше

укрѣпляясь и разростаясь, перейдутъ потомъ въ ясныя и полныя убѣжденія.

Особенно нравятся дѣтямъ рассказы, полные драматизма, прочувствованные и подробные, а не сухіе перечни и изреченія именъ, лицъ, событій и афоризмовъ. Дитя все хочетъ знать подробно и само рассказываетъ тоже со всѣми подробностями. Маленькія дѣти, 5—6 лѣтъ, въ семействахъ истинно-христіанскихъ и простыхъ родителей, часто со слезами на глазахъ слушаютъ такіе рассказы, легко ихъ усвоятъ и свободно повторяютъ. Хороши эти рассказы дѣтей и хороша бываетъ при этомъ ихъ бойкая и живая рѣчь; рассказы ихъ бываютъ столь же живы, какъ живы бываютъ самыя рассказчики и одушевляющее ихъ чувство вѣры.

Напротивъ, если дитя въ семьѣ своей слышало только много иногда очень нелѣпыхъ сказокъ, а равно если и въ школѣ вмѣсто одушевленныхъ и задушевныхъ интересныхъ рассказовъ, проникнутыхъ живымъ чувствомъ вѣры, дитя будетъ слушать только сухіе перечни именъ, событій и мѣстъ, въ которыхъ эти событія совершались, а не будетъ сродняться съ самими священными лицами и событіями, не будетъ всѣмъ своимъ существомъ переживать ихъ на урокъ Закона Божія, то, конечно, оно не будетъ интересоваться священо-историческими рассказами и будетъ предпочитать имъ живыя и наглядныя сказки. Сжатое, сухое и отвлеченное изложене священо-историческихъ событій, когда встрѣчающіяся въ нихъ лица являются не живыми существами, а только отвлеченными именами, не можетъ быть достаточно образнымъ и не соотвѣтствуетъ ни конкретному мышленію дѣтей, ни ихъ естественной потребности знать все подробно. Свѣдѣнія, преподанныя кратко и отвлеченно, чего повидимому желаютъ нѣкоторые инспекторы училищъ, требуютъ многократныхъ и утомительныхъ повтореній, а всетаки никогда не превратятся и не могутъ превратиться въ живыя

созерцанія дѣтской вѣрующей души. Поэтому законоучителямъ лучше рассказывать дѣтямъ въ школѣ не много, но обстоятельно, толково и интересно, воплощая свои рассказы въ плоть и кровь, придавая имъ характеръ жизни и индивидуальности. Такіе рассказы, заинтересовавъ дѣтей въ школѣ, будутъ потомъ передаваться ими и въ своихъ домахъ. Никто не рассказываетъ о томъ, что его нисколько не интересуетъ, а что заинтересуетъ кого-либо, тѣмъ самымъ онъ можетъ заинтересовать и другихъ. Рассказы, переносимые изъ школы въ дома неграмотныхъ родителей дѣтей, могутъ благотворно, воспитательно вліять и на послѣднихъ, могутъ способствовать постановкѣ правильнаго семейнаго воспитанія дѣтей, а тѣмъ болѣе могутъ возбуждать у взрослыхъ всѣ симпатіи къ школѣ и возвышать во мнѣніи ихъ ея авторитетъ.

Эту истину мы подтвердимъ однимъ изъ фактовъ педагогической практики. «Это было предъ Рождествомъ, въ одной изъ школъ южныхъ губерній. Зная, какъ дорожатъ крестьяне этимъ праздникомъ, учитель сообщилъ заранѣе дѣтямъ подробно исторію праздника, прочелъ съ ними толково Евангеліе на праздникъ, Рождественскій тропарь заучили наизусть, тоже съ толкованіемъ. Подготовивъ такимъ образомъ дѣтей, онъ просилъ ихъ на праздникъ, который въ Малороссіи особенно чтится, рассказать въ своихъ семьяхъ, домашнимъ все, что они знаютъ о праздникѣ, что узнали въ школѣ и что услышатъ въ церкви, а для того, чтобы провѣрить и узнать впечатлѣніе этого рассказа на крестьянъ, онъ нарочно, прямо отъ обѣдни, самъ отправился въ одно семейство, гдѣ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ школы. Послѣ общаго разговора, зашла рѣчь о праздникѣ; учитель предложилъ ребенку рассказать, что онъ знаетъ о Рождествѣ Спасителя. Нужно было видѣть вниманіе всей семьи и особенно радостное чувство старика—отца, слушавшаго простой и дѣтски наивный, но подробный рассказъ сына, который

не забылъ и о бѣдныхъ пастухахъ, о пещерѣ, о ясляхъ, о волхвахъ и проч. Когда мальчикъ окончилъ, все стихло. Старикъ призадумался и спрашиваетъ учителя, такъ ли это все было, какъ сынъ рассказываетъ? Въ отвѣтъ учитель предложилъ сыну прочесть рассказъ о Рождествѣ Спасителя, прямо по славянски, предваривъ, что это самое и о. діаконъ въ церкви читалъ, а ребенку напомнивъ, чтобъ онъ не забывалъ объяснять домашнимъ, гдѣ ему покажется что-либо для нихъ непонятное. Нужно было видѣть и слышать, какъ ребенокъ толковалъ по своему непонятное «по мѣстамъ даже возвращался къ исторіи. Не забыто было и то, что родился Христосъ въ теплой странѣ, иначе зачѣмъ бы пастухамъ зимою быть въ полѣ; и повелѣніе написать вселенную» обратилось въ ревизію и проч. Нельзя забыть ту глубокую радость, которая переполнила сердце старика, выслушавшаго рассказъ, объясненія и даже праздничный тропарь отъ сына. «Точно сынъ мой въ другой разъ родился», просто-душно заключилъ онъ свою благодарность учителю. «Такая наука на пользу человѣку. Если бы такъ-то учили насъ», замѣтилъ старикъ, «такъ насъ бы и отъ школы не отбилъ». При этомъ отецъ выразилъ желаніе купить сыну все, что нужно для ученія, по указанію учителя. Когда дѣтскіе рассказы обошли всѣ семьи, авторитетъ школы вдругъ поднялся въ глазахъ крестьянъ, и уже не было и рѣчи о какихъ-нибудь затрудненіяхъ относительно посѣщенія школы учениками»¹⁾.

Итакъ, религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе дѣтей должно идти не въ школѣ только, а преимущественно и въ семьѣ. Только въ тѣсномъ единеніи и полномъ союзѣ другъ съ другомъ семья и школа могутъ достигнуть цѣлей воспитанія и обученія дѣтей и особенно ихъ религіозно-нрав-

¹⁾ См. „Обученіе грамотъ“, — С. И. Миропольскаго; изд. второе, стр. 197—198.

ственного совершенствованія. Школа просвѣтительно вліяетъ и должна вліять постепенно не только на учащихъ дѣтей, но и вообще на семейную и общественную жизнь, но, повторяемъ, не должно игнорировать и того обстоятельства, что главное значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и совершенствованія дѣтей и молодыхъ людей принадлежитъ всетаки не столько школѣ, сколько семьѣ. Вотъ почему не слѣдуетъ предъявлять и слишкомъ преждевременныхъ и неумѣренныхъ требованій относительно религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія дѣтей исключительно только къ учителямъ и особенно законоучителямъ церковно-приходскихъ школъ и начальныхъ училищъ вообще.

Преподаватель *М. Чельцовъ*.

Архіепископъ Волынскій

(бывшій Епископъ Вятскій)

Агаѳангель (Соловьевъ).

Очеркъ жизни и дѣятельности Преосвященнаго.

Продолженіе о дѣятельности о. ректора Агаѳангела по учебной части въ Костромской Духовной Семинаріи. Его послабленія къ занятіямъ учениковъ по древнимъ языкамъ. Отзывы и мнѣнія о. Агаѳангела о латинскомъ и греческомъ языкахъ, изложенныя въ его запискахъ о сихъ предметахъ. Опроверженіе о. Агаѳангеломъ тѣхъ положеній и основаній, которыя приводятъ защитники и ревнители классицизма.

Особенное попеченіе и наблюденіе свое о. ректоръ Агаѳангель имѣлъ за преподаваніемъ Св. Писанія, предметовъ Богословскихъ, Философскихъ, Словесныхъ и Историческихъ. У преподавателей сихъ предметовъ онъ бывалъ гораздо чаще

на урокахъ, нежели у преподавателей другихъ предметовъ. Впрочемъ внимательно онъ слѣдилъ и за успѣхами наукъ математическихъ, физическихъ и, вновь тогда введенныхъ, наукъ естественныхъ и медицины, всецѣло сознавая пользу ихъ для общаго реального развитія и примѣненія ихъ къ практической жизни человѣка. Онъ желалъ бы, чтобы естественныя науки преподавались даже съ училища. О естественныхъ наукахъ говорилъ о. Агаѳангелъ, что онѣ не требуютъ большаго умственного напряженія, онѣ подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, легко понимаются дѣтьми и знаніе ихъ полезно въ примѣненіи къ жизни. Естественная исторія, то есть, зоологія, ботаника и минералогія, способны возбудить въ дѣтяхъ интересъ и слѣдовательно поддержать развитіе способностей. Только наставнику надобно избѣгать теорій, общихъ положеній, которыя въ раннемъ возрастѣ болѣе утомляютъ и отталкиваютъ человѣка отъ науки, чѣмъ знакомятъ его съ нею. *) Но не особенно поощрялъ о. Агаѳангелъ занятія по древнимъ языкамъ, отнимавшимъ массу времени у воспитанниковъ для занятій по другимъ предметамъ. Нѣкоторые изъ его учениковъ рассказываютъ, что онъ даже послаблялъ сіи занятія, такъ усердно практиковавшіяся въ старинныхъ духовныхъ школахъ нашихъ, съ ихъ разнообразными фѣрулами, начиная отъ кіевской стариной академіи XVII столѣтія. Бывая въ классахъ на сихъ предметахъ, о. Агаѳангелъ, смѣло выражалъ преподавателямъ древнихъ языковъ, чтобы они воздерживались отъ всякаго давленія по симъ предметамъ, что латинскій языкъ, благодаря вошедшей русской и понятной рѣчи, при преподаваніи всѣхъ предметовъ семинарскаго курса, сталъ теперь не нуженъ, что теперь древними языками слѣдуетъ заниматься настолько, насколько они полезны для общаго развитія особенностями формъ своихъ.

Дѣйствительно, латинскій и греческій языки, въ системѣ

*) См. записку Пр. Агаѳангела „о мертвыхъ языкахъ“. Стр. 62.

стариннаго образованія, особенно въ низшихъ духовныхъ школахъ, имѣли преимущественное и преобладающее значеніе въ ряду прочихъ предметовъ. По уставу Дух. Училищъ 1816 г. уроковъ латинскаго и греческаго языковъ полагалось 18-ть въ недѣлю на три класса училища, а русскаго языка только 4 урока, во второмъ классѣ *три* и въ низшемъ отдѣленіи *одинъ*. Въ старшемъ четвертомъ классѣ училища (т. е. высшемъ отдѣленіи) не было назначено ни одного урока по русскому языку, а въ этомъ классѣ былъ курсъ двухгодичный. Можно представить себѣ, какъ были безсильны и не свѣдуши ученики въ дѣлѣ отечественнаго языко-знанія. И правда, что ученики старинной духовной школы лучше знали древніе языки, латинскій и греческій, нежели своей природный русскій языкъ. Почему понятно *), что при такой постановкѣ русскаго языка въ кругу учебныхъ предметовъ училищнаго курса, многіе ученики не только училища, но и самой семинаріи не знали русскаго правописанія **). Незнаніе это ставилось иногда въ вину учителямъ русскаго языка въ духовныхъ училищахъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ старинныхъ документовъ и замѣчаній высшаго начальства ***). Но что было дѣлать послѣднимъ, когда на сей предметъ во всѣхъ классахъ училища назначено было всего *четыре урока* въ недѣлю, а въ старшемъ—самомъ важномъ классѣ—онъ вовсе не изучался и преданъ былъ совершенному забвенію? На древніе же языки, особенно на латинскій, обращалось особенное вниманіе высшаго начальства. По древнимъ языкамъ въ низшихъ духовныхъ училищахъ требовалось знаніе учениками латинскаго языка доводить до того, чтобы послѣдніе знали латинскій синтаксисъ въ совершенствѣ, чтобы переводили на русскій языкъ съ латинскаго и обратно

*) Пишетъ авторъ исторіи Шуйск. Дух. Училища. См. стр. 33.

***) См. предписаніе высш. начальства духовно-училищнымъ начальствомъ отъ ноября 1818 г. за № 412.

свободно, чтобы могли разумѣть говорящаго и отвѣчать ему. Съ этою цѣлю преподаватели латинскаго языка заставляли учениковъ, предъ латинскимъ урокомъ до прихода своего въ классъ, объясняться на латинскомъ языкѣ, при чемъ ученики должны были записывать ошибки другъ друга противъ правильной латинской рѣчи въ особо заведенную тетрадь, носившую названіе *calculus*. По приходѣ въ классъ наставникъ просматривалъ тетради и исправлялъ ошибки съ объясненіями ихъ. Усиленные требованія отъ учениковъ училища совершеннаго знанія ими латинскаго языка объясняются тѣмъ, что въ семинаріи тѣхъ временъ учебныя руководства по многимъ предметамъ составлены были на латинскомъ языкѣ, такъ что, безъ знанія послѣдняго, въ семинаріи нельзя было и учиться.

Такая система образованія оставалась въ духовныхъ училищахъ до 1852 года. При такомъ положеніи дѣла, воспитанники духовныхъ училищъ не имѣли возможности записаться даже элементарными свѣдѣніями по другимъ предметамъ училищнаго курса, особенно по русскому языку. На нихъ отражалась печать латинизма. Постоянное изученіе грамматическихъ правилъ и синтаксическихъ формъ латинской рѣчи до того на нихъ повліяло, что они вполне подчинили родное слово свое латинскимъ формамъ и русская рѣчь облеклась въ одежду латыни. Духовные воспитанники, подъ вліяніемъ латинской рѣчи, говорили и выражались по русски несвязно, темно и вяло, едва находя соотвѣтствующія слова для выраженія своихъ мыслей. Отчасти мы помнимъ и сами эту школьную трудность. Латинскіе обороты, разстановка словъ, особенно глаголовъ, и вся латинская конструкція вселилась въ русскую рѣчь. Особенно любила одѣваться латынью рѣчь письменная. Развитію изящнаго русскаго слова надолго грозилъ остракизмъ. Старинный учитель, классикъ, даже и мыслилъ полатыни, къ тому же пріучая и учениковъ своихъ.

Въ 1841 году послѣдовало распоряженіе Высшаго Начальства преподавать всѣ предметы семинарскаго курса на родномъ—русскомъ языкѣ, тогда же появились для воспитанниковъ семинарій и нѣкоторыя русскія учебныя руководства, вмѣсто прежнихъ латинскихъ. На основаніи сего, о. Агаѳангелу, казалось, что забивать учениковъ латынью теперь нецѣлесообразно и излишне; а потому онъ и сталъ воздерживать преподавателей древнихъ языковъ отъ всякаго давленія по симъ предметамъ на семинарскихъ воспитанниковъ; тѣмъ болѣе, что въ семинарскій курсъ наукъ тогда были привнесены еще новые предметы, которыхъ прежде не было, именно: естественная исторія съ сельскимъ хозяйствомъ и медицина. А въ концѣ сороковыхъ годовъ сдѣлалось извѣстнымъ, что и само Высшее Духовное Начальство проектируетъ сокращеніе уроковъ по древнимъ языкамъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Это еще болѣе ободряло о. Агаѳангела въ его смѣлыхъ дѣйствіяхъ по отношенію послабленія занятій по древнимъ языкамъ.

Дѣйствія о. Агаѳангела, въ этомъ отношеніи, хотя были, по видимому, странны и смѣлы; но они исходили изъ его убѣжденія и опытнаго сознанія, что древніе языки, при тогдашней системѣ образованія, приносятъ не пользу, а вредъ. Безъ помощи другихъ предметовъ, безъ надлежащаго знанія и изученія отечественнаго языка, обучаться языкамъ латинскому и греческому, по здравому разсужденію о. Агаѳангела, было несправедливо и непедагогично.

О. Агаѳангель самъ прошелъ всю тогдашнюю школу и, благодаря своимъ дарованіямъ и усидчивости, весьма основательно изучилъ древніе языки, о чемъ свидѣтельствуютъ его аттестаты и дипломы, а также его ученые труды по переводу нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія *); но онъ

*) О. Агаѳангель издалъ въ Русскомъ переводѣ съ краткими объясненіями слѣдующія книги Св. Писанія: 1) книгу Іова, 2) книгу Іисуса сына Сирахова. Остались у наслѣдниковъ старшаго его брата всѣ книги пророческія въ переводѣ на русскій языкъ съ краткими объясненіями и примѣчаніями.

былъ противъ латыни и еллинизма. Онъ опытно зналъ, чего стоило тогда добиться латинской и еллинской мудрости. Онъ говорилъ и писалъ, что система тогдашняго образованія и воспитанія большинство воспитываемыхъ доводила до отупѣнія и невозможности продолжать образованіе. Изученіе латыни отражалось и на тѣлесномъ здоровьѣ воспитанниковъ. «Сколько увяло и исчезло молодыхъ силъ отъ духовной и непосильной борьбы съ латынью, пишетъ о. Агаѳангелъ въ своей запискѣ «о мертвыхъ языкахъ»! Но и тѣ, которые прошли старинную школу, много-ли привнесли себѣ полезнаго для жизни и науки? Довольно-ли ими общество? Удовлетворяютъ-ли они своему назначенію и тѣмъ потребностямъ, для которыхъ получили образованіе? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ одномъ большомъ городѣ, при разсужденіи о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, общество всѣхъ сословій единодушно заявило, что только тогда приступлено будетъ къ обезпеченію духовенства, когда вмѣсто него будетъ поставлено другое духовенство. Надобно замѣтить, что почти все тогдашнее духовенство воспиталось и выросло на латыни» *).

О. Агаѳангелъ, высказывая въ 40-хъ годахъ открыто свои убѣжденія и мысли, касательно древнихъ языковъ, впоследствии времени изобразилъ ихъ и письменно въ своей обширной запискѣ «о мертвыхъ языкахъ», не безъизвѣстной Духовному Правительству. Эта записка, изложенная на девятнадцати листахъ, побывала въ рукахъ и у нѣкоторыхъ ученыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ весьма сочувственно и одобрительно отнеслись къ этой запискѣ, находя положенія и доказательства о. Агаѳангела весьма справедливыми и педагогическими **). Чтобы познакомиться обстоятельнѣе съ возрѣніями о. Агаѳангела о семъ насущномъ вопросѣ мы приведемъ бо-

*) См. записку о. Агаѳангела „о мертвыхъ языкахъ“. Стр. 64.

**.) Напримѣръ Бископореосвященный Никаноръ бывшій Архіеп. Херсонскій.

лѣе важныя и существенныя мѣста изъ его записки, какъ памятникъ его образа мыслей и убѣжденій касательно общеобразовательнаго значенія латинскаго и греческаго языковъ *).

Въ началѣ записки своей „о мертвыхъ языкахъ“, о. Агаѳангелъ предпосылаетъ разсужденіе, какимъ образомъ латинскій языкъ вошелъ въ Россію и утвердился въ системѣ русскаго школьнаго образованія. Онъ пишетъ: «Латинскій языкъ вошелъ въ Россію совершенно случайно. Когда Россія, послѣ ига Монгольскаго, стала заботиться о своемъ образованіи, подобно какъ она заботилась объ немъ до нашествія монголовъ, то она должна была искать этого сокровища у сосѣднихъ народовъ. Греція, отъ которой проливался въ Россію свѣтъ образованія прежде, находилась въ это время въ такомъ же положеніи, какъ и Россія во время нашествія монголовъ. Турки, взявъ Константинополь, покрыли своими массаами всю Греческую Имперію. Люди ученые и образованные бѣжали на западъ; а съ ними перешелъ съ Востока на Западъ и свѣтъ образованія. Россіи надлежало искать образованія уже не на Востокѣ, какъ прежде, но на Западѣ. Она нашла его у родственнаго и единовѣрнаго народа—Галичанъ во Львовѣ. Но тамъ приверженцы Римскихъ панъ успѣли настолько усилить преобладаніе латинскаго языка, что на немъ одномъ преподавались въ школахъ науки и писались книги. Посему и Россіи, чтобы проникнуть въ тайны наукъ, слѣдовало сначала отпереть замокъ, за которымъ онѣ хранились, то есть усвоить себѣ знаніе латинскаго языка. По этой причинѣ латинскій языкъ былъ введенъ, какъ одинъ изъ первыхъ, необходимыхъ предметовъ образованія, въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ. Къ нему присоединенъ былъ греческій языкъ, какъ единовѣрный намъ, на которомъ первоначально написаны бы-

*) Записка о. Агаѳангела современемъ будутъ напечатана цѣликомъ особымъ изданіемъ. Авторъ.

ли Евангеліе, Богослужебныя книги наши и творенія великихъ вселенскихъ учителей нашихъ.

«Это было въ XVII столѣтіи. Съ того времени лице ученой Европы весьма много измѣнилось. Сѣверные Тевтонскіе народы, чрезъ борьбу съ природою, выработавшіе въ себѣ болѣе могущественныя духовныя силы, нежели какими обладаютъ народы Юга, отъ которыхъ шло первоначальное образованіе, стали стремиться къ возстановленію духа христіанства, подавленнаго приверженцами Рима, и потому сбросили оболочку, чрезъ которую эти приверженцы усиливались властвовать надъ духовною стороною народовъ, то есть латинскій языкъ, и начали излагать науки и писать книги на своихъ природныхъ языкахъ. Въ XIX столѣтіи мы можемъ найти полезныя знанія и свѣтъ образованія уже не въ формахъ омертвѣвшей латинской рѣчи, а въ живыхъ современныхъ намъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ. Только люди, для которыхъ форма выше духа и буква важнѣе истины, пишутъ иногда на латинскомъ языкѣ свои мертвыя диссертациі, ни для кого, интересующагося преуспѣаніемъ познаній, не представляющія собою умственной жизненности.

«Тѣмъ менѣе, казалось бы, Россія должна нуждаться нынѣ въ мертвыхъ языкахъ. Похитивши мудрость, скрывавшуюся подъ формою латинскаго языка, Россія должна бы немедленно сбросить съ себя эту старую одежду, переходное значеніе которой уже для нея кончилось.

«Къ сожалѣнію здѣсь привходятъ обстоятельства, останавливающія сію рѣшимость и удерживающія донынѣ преподаваніе мертвыхъ языковъ въ духовныхъ и свѣтскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ нашего отечества».

Затѣмъ о. Агаѳангель указываетъ и развиваетъ подробно тѣ останавливающія обстоятельства, которыя удерживаютъ древніе языки въ системѣ школьнаго образованія. Онъ

не исключаетъ совершенно изъ системы обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній древнихъ языковъ, но весьма ограничиваетъ число уроковъ, а слѣдовательно и занятій по древнимъ языкамъ, не придавая имъ преимущественнаго значенія, и не полагая ихъ въ основу образованія. Онъ пишетъ въ своей запискѣ: «мы, полагая въ основаніе образованія нашихъ русскихъ дѣтей латинскій языкъ, стараемся подражать въ этомъ случаѣ нашимъ близкимъ сосѣдямъ, западно-европейцамъ; къ нимъ обращались и обращаемся съ вопросами о значеніи латинскаго языка въ системѣ образованія, и смотримъ на многіе отвѣты ихъ, какъ на изреченія оракуловъ. Конечно, благоразумно и полезно прислушиваться къ совѣтамъ и разсужденіямъ иностранцевъ въ столь важномъ предметѣ, каково образованіе дѣтей. Но Россіянину нельзя становиться на одну точку зрѣнія съ Западною Европою, когда она проповѣдуетъ пользу и необходимость латинскаго языка, для образованія. И Италия, и Испанія, и Франція и Англія составляли въ теченіи многихъ столѣтій области Римской Имперіи. Всѣ онѣ, и вмѣстѣ съ ними Германія и Скандинавія, болѣе тысячи лѣтъ подчинены были духовному владычеству Рима. На латинскомъ языкѣ всѣ эти народы возносили свои молитвы къ Богу въ теченіи весьма продолжительнаго періода времени; на латинскомъ языкѣ они изучали всѣ науки и писали книги. Латинскій языкъ былъ для нихъ единственнымъ проводникомъ образованія и считался необходимою принадлежностію каждаго дома, имѣвшаго притязаніе на образованность. Онъ вошелъ, какъ неотъемлемый элементъ, въ историческое развитіе этихъ народовъ, въ государственную жизнь ихъ, въ ихъ законодательство, въ ихъ нравы. Уразумѣть свою исторію, свои обычаи, понять себя самихъ ни одному изъ этихъ народовъ нельзя, не изучивъ основательно латинскаго языка. Посему нечего удивляться, что многіе ученые Европейцы, когда разсуждаютъ о принципахъ обра-

зованности, полагаютъ латинскій языкъ въ основу, какъ элементъ необходимый, по ихъ мнѣнію, для просвѣщенія. Они поступаютъ, безъ сомнѣнія, разумно въ отношеніи къ себѣ. Но мы весьма много погрѣшаемъ, удерживая и даже усиливая у себя преподаваніе латинскаго языка по подражанію Западной Европѣ. Мы думаемъ: какъ намъ отстать въ этомъ отношеніи отъ Европы? Тамъ центры просвѣщенія, тамъ высшая цивилизація; какъ не встать на стезю цивилизаціи, проложенную Европою!

«Но все то, что необходимо и полезно, въ данномъ случаѣ, Европейцамъ, то все чуждо и излишне Россіи. Она по милости Божіей, не была порабощена ни Римскими Императорами, ни Римскими Папами, никогда не исповѣдывала Римской вѣры, никогда не будетъ молиться по латинскимъ *ритуаліямъ* и никогда не будетъ имѣть нужды слушать проповѣди ксендзовъ, испещренныя латинскими текстами; ей нѣтъ нужды и знать латинскія книги давно прошедшихъ временъ. Для этого довольно изъ всей массы русскаго народа отдѣлать нѣсколько спеціалистовъ, которые могли бы ознакомить массу народа, посредствомъ переводовъ, съ тѣмъ, что когда то говорилось и писалось Римской рѣчью. Въ отношеніи же къ образованію Россіи мы должны смотрѣть на латинскій языкъ съ собственной точки зрѣнія; намъ надобно въ этомъ случаѣ отказаться отъ рабства слѣдовать Заподу; надобно сдѣлаться самостоятельными и прислушиваться къ рѣчамъ чужеземцевъ не съ дѣтскимъ увлеченіемъ, а съ строгою критикою».

Затѣмъ переходитъ о. Агаѳангель, въ своей запискѣ, къ разсмотрѣнію тѣхъ началъ, на которыхъ ревнители латыни основываютъ необходимость преподаванія русскому юношеству латинскаго языка. Онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «ревнители мертвыхъ языковъ, отстаивая необходимость латинскаго и греческаго языковъ, представляютъ до-

воды, большею частью, состоящие въ неопредѣленныхъ, но весьма звучныхъ фразахъ. Они говорятъ, что

1) „*Латинскій и греческій языки способствуютъ сосредоточенности мыслей въ дѣтяхъ, приучаютъ дѣтей къ точности въ выраженіяхъ и располагаютъ ихъ къ логической послѣдовательности въ сужденіяхъ. Вообще древніе языки имѣютъ несомнѣнное образовательное значеніе*“.

«Это первое и самое главное доказательство, на которомъ защитники латыни и ихъ приверженцы любятъ останавливаться. Оно было-бы и самымъ сильнымъ, если бы въ сущности было справедливо. Но вникая въ него, анализируя его составныя части и повѣряя его фактами, мы находимъ, что это только громкія и оболъстительныя фразы, которымъ однако ни мало не соотвѣтствуетъ сущность дѣла. Сосредоточенность въ мысляхъ образуется въ дѣтяхъ не отъ латинскаго языка, а единственно отъ степени напряженія умственныхъ силъ при изученіи того или другого предмета. Чѣмъ больше это напряженіе, тѣмъ сосредоточеннѣе будетъ умъ, если только природныя способности въ состояніи выносить такое напряженіе. Сидитъ ли ребенокъ надъ латинской и греческой грамматикой, или онъ изучаетъ Законъ Божій, священную исторію, Русскій языкъ, или же упражняется въ геометріи, алгебрѣ, химіи, фізіологіи, физикѣ и астрономіи, въ немъ не сомнѣнно выробатывается склонность къ сосредоточенности мыслей и даже къ глубокомыслию, если онъ только старается выразумѣть изучаемые имъ предметы и напрягаетъ для сего силы своего ума. Черезъ такое напряженіе изоощряются способности ребенка безъ всякаго вліянія того или другого языка, особенно латинскаго; потому что полезнаго и интереснаго содержанія для своего ума, богатства дѣйствительныхъ познаній ребенокъ не пріобрѣтаетъ отъ него.

«Можно было бы сказать, что при изученіи латинскаго языка ребенокъ приучается останавливать текущія и разсѣ-

вающіяся по разнымъ предметамъ представленія и мысли свои, что отъ этого образуется у него внимательность къ изучаемымъ предметамъ, что онъ привыкаетъ слѣдить за внутреннимъ движеніемъ своихъ представленій и отчетливо мыслить. Но такое благодѣтельное вліяніе, дѣйствительно имѣющее образовательное значеніе происходитъ не собственно отъ латинскаго языка, а отъ законовъ, которымъ подлежитъ вообще языкъ или рѣчь человѣка. Начните обучать ребенка Русской или Нѣмецкой грамматики, результаты будутъ тѣ же. У мальчика, которому объясняютъ грамматическія формы и сочетанія словъ для выраженія той или другой мысли, котораго заставляютъ самого видоизмѣнять слова для того, чтобы научить его обозначать правильно представленія ума съ оттѣнками ихъ и разнообразными отношеніями времени и пространства; у этого мальчика, если онъ не лишенъ способностей, естественно развивается внимательность къ своимъ занятіямъ, образуется, мало по малу, привычка останавливать свою умственную дѣятельность на предметахъ, въ которые онъ вдумывается. Разница состоитъ въ томъ, что для русскаго дитяти, при изученіи русскаго языка, какъ природнаго, эти результаты достигаются съ большею легкостію, чѣмъ при изученіи латинскаго языка, какъ чужаго. Степень труда, который ребенку въ лѣта дѣтства надобно употреблять для изученія преподаваемыхъ ему предметовъ, имѣетъ также огромное вліяніе на развитіе его способностей. Когда обучаютъ русскихъ дѣтей русскому языку и по этому языку знакомятъ ихъ съ правилами рѣчи, объясняемыми во всеобщей грамматикѣ: то въ умѣ ихъ легко и постепенно полагаются основы внимательности и сосредоточенія мыслей, потому что они трудятся надъ роднымъ языкомъ, который слышатъ повсюду вокругъ себя. Когда эти основы окрѣпли, когда ребенокъ привыкъ выражаться опредѣленно и отчетливо на природномъ языкѣ: то при дальнѣйшихъ упражненіяхъ полезно

грамматическое изученіе и чужаго какого-либо изъ образованныхъ языковъ; такой языкъ приучитъ молодого человѣка къ большому углубленію мыслей и не произведетъ стѣсненія его способностей; потому что онѣ уже довольно созрѣли, и въ нихъ уже существуетъ укрѣпившійся зародышъ внимательности. — Изъ всѣхъ чужихъ языковъ, намъ кажется, самый полезный для русскаго мальчика въ этомъ отношеніи есть не латинскій, а нѣмецкій языкъ; потому что онъ развитъ болѣе латинскаго, употребляется ближайшими нашими сосѣдями, представляетъ литературу болѣе обширную и интересную, чѣмъ латинскій, и въ примѣненіи къ жизни можетъ оказать не сравненно болѣе пользы, нежели латинскій языкъ, который въ общественной жизни совершенно бесполезенъ для насъ. Но когда обучаютъ дѣтей грамматически чужому языку, не научивши ихъ хорошо природному, то хотя способные мальчики преодолѣваютъ этотъ трудъ безъ видимаго вреда, однако въ большинствѣ ихъ происходятъ результаты весьма непріятные. вмѣсто внимательности образуется отсутствіе умственной дѣятельности, отвращеніе къ занятію, — отупѣніе. За фактами не нужно обращаться далеко. слѣдуетъ только вспомнить духовныя училища, въ которыхъ латинскій языкъ былъ главнымъ предметомъ въ продолженіи всего училищнаго шестилѣтняго курса. Всякому извѣстно, какъ много учениковъ приходилось исключать изъ училищъ по ихъ малоуспѣшности въ преподаваемыхъ предметахъ. Всякому также извѣстно, что на изученіе латинскаго языка посвящалась въ этихъ училищахъ большая часть времени.

Что касается до точности въ выраженіяхъ, пишетъ о. Агаѳангелъ, то предписывать ее изученію латинскаго языка можетъ только человѣкъ заблуждающій и вводящій другихъ въ заблужденіе. Всякому выраженію соотвѣтствуетъ извѣстный предметъ; всякое выраженіе въ томъ или другомъ языкѣ имѣетъ своей оттѣнокъ для обозначенія того или другаго

качества предмета. Чѣмъ болѣе человѣкъ изучаетъ предметы, сравниваетъ ихъ качества и узнаетъ взаимное отношеніе ихъ, чѣмъ большимъ запасомъ словъ обладаетъ онъ изъ природнаго своего языка для обозначенія этихъ качествъ и отношеній, тѣмъ выражается точнѣе, опредѣленнѣе и обстоятельнѣе. Въ этомъ отношеніи изученіе нашего природнаго языка и изученіе наукъ, исчисленныхъ выше, несравненно больше можетъ оказать пользы, чѣмъ всякій умершій языкъ. Напротивъ, изучая латинскій языкъ, особенно съ ранняго дѣтства и не изучивъ хорошенько своего природнаго языка, ребенокъ неизбежно приучится къ неточности въ выраженіяхъ; потому что онъ не знаетъ ни словъ въ своемъ языкѣ, ни силы ихъ для выраженія того или другаго предмета, не знаетъ и самыхъ предметовъ, о которыхъ долженъ говорить. Для приученія ребенка къ точности въ выраженіяхъ всего нужнѣе знакомить его хорошенько съ природнымъ его языкомъ и избрать для сего образцы, отличающіеся дѣйствительною точностію. У насъ на русскомъ языкѣ такіе образцы есть и въ духовной и свѣтской литературѣ. Русскій языкъ, изучаемый со всеобщемою грамматикою, способенъ лучше всякаго мертваго языка произвести въ умѣ ребенка также отчетливое движеніе мыслей, расположить дитя къ сознательной умственной дѣятельности и развить въ немъ даръ слова. Въ этомъ отношеніи упражненіе дитяти въ разборѣ и переложеніи отечественныхъ произведеній имѣетъ высокое преимущество предъ упражненіемъ въ переводахъ латинскаго языка. Хотя упражненіе въ латинскомъ языкѣ, какъ и во всякомъ другомъ мертвомъ языкѣ, конечно также сопровождается въ ребенкѣ движеніемъ мыслей; но содержанія, интереснаго для ребенка, которымъ бы онъ могъ воспользоваться въ послѣдующей своей жизни, этотъ языкъ не способенъ дать мальчику, тогда какъ изученіе русскаго языка пробуждаетъ и движеніе мыслей и обогащаетъ ребенка матеріаломъ, весь

ма нужнымъ въ примѣненіи къ жизни, и развиваетъ даръ слова. Извѣстно, что латинскій языкъ способствуетъ не развитію, а притупленію сего дара. Сколько сотенъ тысячъ человѣкъ вышло изъ Духовныхъ Училищъ и Семинарій, гдѣ по преимуществу изучался латинскій языкъ? И сколько между ними было людей съ превосходнымъ даромъ слова? Гдѣ они, эти ораторы, проповѣдники, которые безъ приготовленія, безъ тетради, безъ заучиванія, произносили краснорѣчивыя, потрясающія и увлекающія слушателей слова? Ихъ не было! Ихъ нѣтъ! И главною причиною такого прискорбнаго отсутствія ихъ былъ именно латинскій языкъ, который эти сотни тысячъ людей должны были изучать въ Училищахъ, Семинаріяхъ и Академіяхъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Тоже должно сказать о логической послѣдовательности въ сужденіяхъ. Нѣтъ ничего не простительнѣе и, надобно прибавить, нѣтъ ничего не добросовѣстнѣе, какъ намѣренно усвоить какому-либо предмету необычайную пользу, которая ему вовсе не принадлежитъ. Именно это самое дѣлаютъ люди, въ изученіи латинскаго языка указывающіе источникъ логическихъ способностей ребенка. Не къ правильной послѣдовательности, а только къ софизмамъ можетъ приучить изученіе латинскаго языка съ дѣтства. Отъ этого способа образованія ведутъ свое начало запутанность въ понятіяхъ, отсутствіе твердой почвы въ мышленіи, двусмысленность въ словахъ. Такимъ образованіемъ особенно отличались Іезуиты, первые поборники латыни. Истинная логическая послѣдовательность находится въ природѣ существъ, въ жизни ихъ, во взаимныхъ отношеніяхъ и въ сочетаніяхъ ихъ. А посему къ правильной послѣдовательности въ сужденіяхъ можетъ придти только тотъ, кто изучаетъ эту жизнь природы и взаимныя отношенія частей ея. Изъ всѣхъ наукъ самую ощутительную пользу оказываютъ въ этомъ отношеніи геометрія, физика, богословіе. Изучая теоремы и догматы сихъ наукъ,

молодой человекъ усовершенствуется въ точности выраженій; изучая доказательства, на которыхъ основаны эти положенія, онъ утверждаетъ въ себѣ привычку къ строгой и правильной послѣдовательности. Каждый также, углубляясь въ себя и слѣдя за теченіемъ своихъ мыслей среди размышленій, взвѣшивая представленія и оцѣнивая взаимныя отношенія ихъ между собою, дѣлается незамѣтно послѣдовательнымъ въ мышленіи. Латинскій и греческій языки здѣсь ровно ничего не помогаютъ.

Чтобы вообще можно было произнести самый безпристрастный судъ о образовательномъ значеніи мертвыхъ языковъ, обратимся къ фактамъ. Они говорятъ громче всякихъ теорій и словопреній. До 1841 года латинскій языкъ въ такой мѣрѣ господствовалъ въ Русскихъ Духовныхъ Семинаріяхъ, что воспитанники на этомъ языкѣ изучали всѣ главные предметы своего образованія, какъ-то: Реторику, Логику, Онтологию, Метафизику, Психологию-теоретическую и опытную, Нравственную Философію, Исторію философскихъ системъ, Богословіе Догматическое и Богословіе Нравственное. Результатомъ такого господства латыни въ системѣ образованія было то, что молодые люди, за нѣкоторыми исключеніями, пріучались къ фразерству, къ высокопарнымъ словамъ, къ набору надутыхъ выраженій. Въ этомъ по преимуществу они полагали свое образованіе, и этимъ думали отличиться, а не богатствомъ полезныхъ мыслей и дѣйствительныхъ познаній. Съ 1841 г., предписано было преподавать въ Семинаріяхъ и Академіяхъ всѣ науки на русскомъ языкѣ, сдѣлалось замѣтною нѣкоторая перемѣна въ развитіи и образованіи молодыхъ людей. Люди стали нѣсколько мягче, рѣчь ихъ понятнѣе, ближе къ дѣйствительности, познанія ихъ сдѣлались нѣсколько многостороннѣе; софизмы стали менѣе интересовать ихъ, нежели истина и дѣйствительность. — Въ Духовныхъ Училищахъ съ этого времени ученики стали изучать историческія науки; ихъ

пріучали къ изложенію своихъ мыслей на Русскомъ языкѣ, къ переложенію стиховъ и другихъ сочиненій своимъ языкомъ. Мальчики переходили въ Семинарію болѣе развитые и болѣе способные понимать семинарскія науки, чѣмъ прежде. Вотъ что говорятъ факты. Этихъ явленій не могутъ ни измѣнить, ни опровергнуть никакія фикціи. Хотя латинскій языкъ и послѣ 1841 года все еще оставался однимъ изъ главныхъ предметовъ въ духовныхъ школахъ; хотя желаемые результаты далеко не вполне были достигнуты: однако шагъ впередъ сдѣланъ. Этого не могли отвергнуть самые поклонники латыни. Здѣсь весьма важно то, что переменна (хотя и небольшая) къ лучшему, въ образованіи духовныхъ воспитанниковъ, произошла съ ослабленіемъ латыни. Гдѣ же высокообразовательное значеніе латинскаго языка?

2) Второе доказательство, пишетъ о. Агаѳангель, ревнители латыни, приводятъ слѣдующее. *«Въ человекѣ есть жизнь духа, а не только тѣла. Если естественныя науки нужны для жизни тѣлесной, то классическіе языки необходимы для жизни духа.»*

Такъ рассуждалъ одинъ ученый человекъ съ нѣмецкою фамиліею. Этими звучными фразами о жизни духа онъ очевидно хотѣлъ ошеломить Русское общество. Что такое жизнь духа и какое отношеніе къ этой жизни имѣютъ мертвые языки? Жизнь духа есть или дѣятельность умственная, или дѣятельность нравственная. Было бы чистымъ безуміемъ искать началъ для развитія этой жизни въ языкахъ, потерявшихъ собственную жизнь и сохранившихъ слѣды своего существованія въ книгахъ, лишенныхъ значенія для современной намъ жизни. Ни одинъ, конечно, разумный человекъ не станетъ говорить, что современное намъ человѣчество можетъ обогатить свой умъ познаніями, оставшимися отъ Римскихъ писателей; каждому извѣстно, что эти познанія очень скудны и въ большей части ошибочны, младенченственны.

Ни одинъ также разумный человѣкъ не станетъ утверждать, что нравственность латынянъ выше нравственности христіанской, а потому не захочетъ пересаждасть въ собственную жизнь и въ жизнь дорогихъ сердцу его лицъ правила общественныя и семейныя, которыми руководились Римляне; потому что эти правила вели къ безнравственности, жестокости и къ подавленію чувствъ чисто человѣческихъ. И такъ слова «*жизнь духа*», для которой будто необходимо изученіе латинскаго языка заключаютъ въ себѣ пустые звуки, предъ которыми простаки могутъ разинуть свои рты, но которыя не заключаютъ въ себѣ ни истины, ни даже смысла.

3) Третье доказательство поборниковъ латыни заключается въ слѣдующемъ положеніи: «*Латинскій языкъ необходимъ для образованія Государственныхъ людей, въ которыхъ Россія нуждается*».

Прочитавши такое разсужденіе въ нѣкоторыхъ газетахъ, мы были удивлены и подумали, не есть ли это насмѣшка надъ кѣмъ-либо?... Перестаньте, господа! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ находите какое-либо чрезвычайное значеніе въ латинскихъ фразахъ и наименованіяхъ, употребляемыхъ иногда дипломатами и парламентскими ораторами?... Правда, нѣкоторыя дипломатическія бумаги называютъ «*меморія*», «*меморандумъ*», «*ультиматумъ*», нѣкоторыя подобныя бумаги испещрены фразами: «*Satu tuo*», «*ad hoc*» «*motu proprio*» и проч.; правда, что Пальмерстонъ среди своихъ рѣчей иногда блисталъ латинскими изреченіями. Но кто не знаетъ, что все это дѣлается только для эффекта, какъ роскошь образованія, какъ блескъ? Существенной надобности въ этихъ фразахъ и наименованіяхъ вовсе нѣтъ. Было бы даже гораздо лучше и полезнѣе, если бы дѣло излагалось ясно, безъ вычурныхъ выраженій, безъ стремленія блеснуть фразами и ученостію. Римская Имперія весьма ошибочно разсматривается, какъ образецъ для существующихъ нынѣ государствъ. Она развали-

лась отъ внутренней гнили; формы, законы, правила и изреченія ея не могли вдохнуть въ нее жизнь и предохранить ее отъ разрушенія и смерти. Не могутъ они помочь и живущимъ нынѣ народамъ. То, что полезно, слѣдуетъ принимать. Усиливаться же, чтобы воплотилась въ насъ Римская жизнь съ ея формами и рѣчью — можетъ только Римлянинъ, продолжающій безумно ревновать о всемірномъ владычествѣ Рима, можетъ только тайный Іезуитъ, а совсѣмъ не государственный человѣкъ нашего отечества. Чтобы быть полезнымъ для своего отечества, ему надобно изучить пристально Русскій народъ, его нравы и потребности, экономію страны, и чрезъ сравненіе съ другими современными благоустроенными государствами выработывать въ себѣ государственный умъ, могущій оказывать благодѣтельное руководство для народа. Тутъ вовсе не нуженъ латинскій языкъ; онъ только пріучаетъ людей къ напышеннымъ словоизверженіямъ, отвлекая ихъ отъ сущности дѣла, отъ разумнаго и правильнаго пониманія его.

4) Четвертое положеніе, отстаивающихъ латынь, заключается въ слѣдующемъ: *«Латинскому языку необходимо обучать дѣтей, потому что безъ него невозможно знаніе медицины, естественной исторіи и химіи; тотъ кто не знаетъ латинскаго языка, не можетъ даже дать рецепта больному»*.

«Мы привели это умствованіе, пишетъ о. Агаѳангель, не взирая на всю пустоту его, потому что борцы латыни не разъ излагали его въ различныхъ формахъ. Для разсѣянія мглы, навѣваемой подобными размышленіями, достаточно указать на многихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ, садовниковъ и лаборантовъ, которые, заучивъ извѣстное число латинскихъ словъ, весьма успѣшно исполняютъ свои обязанности. Для болѣе лучшаго, успѣшнаго и отчетливаго изученія медицины необходимъ не латинскій языкъ, а науки естественныя во

главѣ съ физиологіей и анатомей. Для медиковъ Цицеронъ и Горацій не принесутъ пользы въ ихъ врачебномъ искусствѣ. Для написанія рецептовъ также не требуется систематическое изученіе латинскаго языка и чтеніе классиковъ; г.г. провизоры и аптекарскіе ученики свободно читаютъ и пишутъ рецепты. Если кто хочетъ, чтобы рецепты были понятны для всѣхъ, то можно написать ихъ по русски, и это было бы гораздо полезнѣе и выгоднѣе для людей, потому что многіе могли бы составить лекарства сами, не нося денегъ въ аптеку».

Въ своей запискѣ, о. Агаѳангель, приводитъ нѣсколько (NN) номеровъ и самыхъ рецептовъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Для разъясненія и наглядности дѣла выпишемъ одинъ изъ приведенныхъ имъ рецептовъ.

Rp. Kali nitr. crud.

Ammon. muriat

Aq. font. frigid.

Acet. vin.

D. S. Намачивать сложенную въ нѣсколько разъ салфетку и прикладывать на голову. (Прохладительная Шмубкорова примочка противъ головныхъ болей.

По-русски: Возьми 2 унціи или 16 золотниковъ обыкновенной селитры.

Половину унціи или 4 золотника нашатыря.

4 фунта ключевой воды.

1 фунтъ ренскаго или простаго уксуса.

Дай, надпиши: Намачивать чистую салфетку или тряпку и прикладывать къ головѣ.

Далѣе пишетъ о. Агаѳангель: «обычай употреблять латинскій языкъ въ медицинѣ произошелъ единственно отъ стремленія прежнихъ людей—какъ можно болѣе обогащаться на счетъ другихъ, возвышать свое значеніе и не передавать массѣ народа тѣхъ знаній, которыми владѣли врачи. Если

бы рецепты писались у насъ по русски и если бы всѣ медицинскія знанія передавались народу также на русскомъ языкѣ: то 1) въ массу народа проникли бы такія познанія, которыя весьма нужны для благосостоянія его и которыя могли бы много способствовать самому образованію народа, 2) обозначались бы дѣйствительно знающіе свое дѣло врачи, благодѣтели и друзья человѣчества, которымъ общество дало бы не только средства жизни, но и высокое значеніе среди себя, 3) шарлатаны, невѣжды, которые лечатъ другихъ для того, чтобы никогда не вылечить ихъ, сошли бы съ этого поприща и сдѣлались бы безвредными для другихъ; они избрали бы для себя занятія на другихъ поприщахъ общественной дѣятельности и могли бы быть полезными для человѣчества.

П. Е. С.

Пять лѣтъ дѣятельности Глазовскаго Уѣзднаго Отдѣленія Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

15-го февраля сего 1894 года исполнилось уже 5 лѣтъ со времени открытія въ городѣ Глазовѣ Уѣзднаго Отдѣленія Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Открытое для ближайшаго завѣдыванія церковно-приходскими школами и школами грамоты Глазовскаго уѣзда, Глазовское Уѣздное Отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ теченіе минувшихъ пяти лѣтъ неизмѣнно стремилось къ полному осуществленію той цѣли, которая точно опредѣлена Высочайше утвержденными 28 мая 1888 г. правилами объ Уѣздныхъ Отдѣленіяхъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ.

Руководствуясь въ своей дѣятельности Высочайше утвержденными правилами объ Уѣздныхъ Отдѣленіяхъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, распоряженіями Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта и Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго

Совѣта, неуклонно слѣдуя мудрымъ и опытнымъ указаніямъ своего милостивѣйшаго Архипастыря Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Вятскаго и Слободскаго, и вторыхъ викаріевъ Вятской епархіи Преосвященнѣйшаго Никона, нынѣ Епископа Угличскаго, и Преосвященнѣйшаго Сумеона, Епископа Глазовскаго, Глазовское Уѣздное Отдѣленіе Вятскаго Епархіального Училищнаго Совѣта въ минувшее пятилѣтіе: а) заботилось о пріисканіи хорошихъ учителей для школъ; б) изыскивало мѣстныя средства къ поддержанію и распространенію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Глазовскомъ уѣздѣ; в) устроило съ конца 1891 года уѣздный книжный складъ для продажи книгъ въ церковныя школы Глазовскаго уѣзда; г) заботилось ежегодно по мѣрѣ своихъ средствъ о снабженіи изданными и одобренными Святѣйшимъ Синодомъ учебниками и книгами для чтенія бѣднѣйшихъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; д) ходатайствовало ежегодно предъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ о поощреніи денежными и почетными наградами опытныхъ и усердныхъ законоучителей и учителей церковныхъ школъ, въ особенности же устроившихъ и поддерживающихъ церковныя хоры изъ учащихся; е) содѣйствовало къ устройству 2-хъ двух-классныхъ школъ въ Глазовскомъ уѣздѣ—одной въ селѣ Балезинскомъ IV округа, а другой въ селѣ Уняхъ V округа,—содѣйствовало устройству ремесленнаго класса при Зюздино-Христорожественской церковно-приходской школѣ и руководѣльныхъ классовъ при Глазовской и Святопольской школахъ; ж) члены Отдѣленія ежегодно лично осматривали школы церковно-приходскія и школы грамоты какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по порученію Уѣзднаго Отдѣленія, и по осмотрѣ школъ сообщали о своихъ наблюденіяхъ Уѣздному Отдѣленію, которое по симъ сообщеніямъ и дѣлало заключенія, представлявшіяся при журналахъ на благоусмотрѣніе Его Преосвященства; з) члены Отдѣленія ежегодно по мѣ-

рѣ возможности участвовали, по силѣ § 6 Правиль 8—15 октября 1886 года объ экзаменахъ на льготу IV разряда, въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ по духовному вѣдомству для испытанія учениковъ, окончившихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты и желающихъ получить свидѣтельство на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности; и) Отдѣленіе Совѣта составляло ежегодно отчетъ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты на основаніи донесеній священниковъ-наблюдателей и личныхъ наблюденій членовъ Отдѣленія и представляло оный въ Вятскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, и наконецъ і) Отдѣленіе Совѣта для ознакомленія членовъ Отдѣленія съ руководствами и учебными пособіями, одобренными Высшимъ Духовнымъ Начальствомъ для употребленія въ церковныхъ школахъ, положило начало библіотекѣ при Отдѣленіи.

Нижеслѣдующія статистическія данныя за истекшее пятилѣтіе служатъ къ подтвержденію сказаннаго о дѣятельности Глазовскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ это время. Въ 1889 году при открытіи Глазовскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ немъ кромѣ Предсѣдателя было 20 членовъ; въ настоящее время кромѣ Предсѣдателя въ Отдѣленіи Совѣта 30 членовъ; въ истекшее пятилѣтіе умерло 5 членовъ Отдѣленія: а) инспекторъ народныхъ училищъ Глазовскаго уѣзда Николай Григорьевичъ Первухинъ, б) бывшій Глазовскій уѣздный исправникъ Николай Ивановичъ Григорьевъ, в) земскій начальникъ 3-го участка Глазовскаго уѣзда Петръ Михайловичъ Хлопинъ, г) бывшій предсѣдатель Глазовскаго уѣзднаго съѣзда Мокѣй Ивановичъ Куроптевъ и д) бывшій Глазовскій городской голова Михайль Николаевичъ Шутовъ. Такимъ образомъ, ежегодно въ теченіи 5 лѣтъ выбывало изъ состава Отдѣленія за смертію по одному члену Отдѣленія.

Въ истекшее пятилѣтіе всѣхъ собраній членовъ Отдѣле-

нія было 52, именно: въ 1889 году было 6 собраній, въ 1890 году—10 собраній, въ 1891 году—12 собраній, въ 1892 году—10 собраній и въ 1893 году—14 собраній,— всего 52 собранія или ежегодно по $10,4$ собранія. Было составлено на собраніяхъ въ 1889 году 16 журналовъ съ 50 постановленіями, въ 1890 году 35 журналовъ съ 68 постановленіями; въ 1891 году 30 журналовъ съ 67 постановленіями, въ 1892 году 22 журнала съ 87 постановленіями, и въ 1893 году 24 журнала съ 88 постановленіями, а всего за 5 лѣтъ составлено 127 журналовъ или среднимъ числомъ ежегодно по $25,4$ журнала, и 360 постановленій или среднимъ числомъ ежегодно по 72 постановленія.

Число входящихъ въ Отдѣленіе Совѣта бумагъ было въ 1889 году 156; въ 1890 году 270; въ 1891 году 289, въ 1892 году 290, и въ 1893 году 311, всего за пять лѣтъ 1316 или ежегодно среднимъ числомъ $263,2$. Число исходящихъ бумагъ въ Отдѣленіи Совѣта было въ 1889 г. 174, въ 1890 году 402, въ 1891 году 551, въ 1892 г. 506 и въ 1893 году 530, всего за пять лѣтъ 2163 или ежегодно среднимъ числомъ $432,6$.

Состояло въ вѣдѣніи Отдѣленія Совѣта въ $18^{88}/_{89}$ учебному году церковно-приходскихъ школь 31, въ нихъ учащихся 857 мальчиковъ и 212 дѣвочекъ; школь грамоты въ семъ году было 12, въ нихъ учащихся 193 мальчика и 45 дѣвочекъ; въ $89/_{90}$ учебномъ году церковно-приходскихъ школь было 31, въ нихъ учащихся было 840 мальчиковъ и 187 дѣвочекъ, школь грамоты 15, въ нихъ учащихся 189 мальчиковъ и 54 дѣвочки; въ $18^{90}/_{91}$ учебномъ году церковно-приходскихъ школь было 32, въ нихъ учащихся 920 мальчиковъ и 195 дѣвочекъ, школь грамоты—13, въ нихъ учащихся 177 мальчиковъ и 55 дѣвочекъ; въ $18^{91}/_{92}$ учебномъ году церковно-приходскихъ школь было 35, изъ нихъ одна двухкласная, въ нихъ учащихся 1032 мальчика и 217

дѣвочекъ, школь грамоты 35, въ нихъ учащихся было 489 мальчиковъ и 110 дѣвочекъ; въ 18⁹²/₉₃ учебномъ году было церковно-приходскихъ школь 36, изъ нихъ двѣ двухклассныхъ, въ нихъ учащихся 1344 мальчика и 383 дѣвочки, школь грамоты 54, въ нихъ учащихся 963 мальчика и 183 дѣвочки и въ текущемъ 18⁹³/₉₄ учебномъ году церковно-приходскихъ школь 41, изъ нихъ 2 двухклассныхъ, въ нихъ учащихся 1460 мальчиковъ и 365 дѣвочекъ, школь грамоты 60, въ нихъ учащихся 1126 мальчиковъ и 111 дѣвочекъ. За истекшее пятилѣтіе число церковно-приходскихъ школь такимъ образомъ увеличилось на 10, т. е. на 32%, въ нихъ число учащихся увеличилось мальчиковъ на 603 человекъ, т. е. 70%, и дѣвочекъ на 157, т. е. на 74%; школь грамоты увеличилось на 48, т. е. на 400%, въ нихъ число учащихся увеличилось мальчиковъ на 933, т. е. на 483%, и дѣвочекъ на 66 человекъ, т. е. на 146%.

Окончило курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ мальчиковъ со льготою по отбыванію воинской повинности въ 18⁸⁸/₈₉ учебномъ году 163; въ 18⁸⁹/₉₀ учебномъ году 158, въ 18⁹⁰/₉₁ учебномъ году 150, въ 18⁹¹/₉₂ учебномъ году 173 и въ 18⁹²/₉₃ учебномъ году 210. Такимъ образомъ число мальчиковъ, кончающихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ къ концу истекшаго пятилѣтія, увеличилось на 47 человекъ, т. е. на 28%.

Окончило курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ дѣвочекъ въ 18⁸⁸/₈₉ учебномъ году 27, въ 18⁸⁹/₉₀ учебномъ году 34, въ 18⁹⁰/₉₁ учебномъ году 35, въ 18⁹¹/₉₂ учебномъ году 46 и въ 18⁹²/₉₃ учебномъ году 49. Такимъ образомъ число дѣвочекъ оканчивающихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ Глазовскаго уѣзда медленно, но постоянно увеличивается и за истекшее пятилѣтіе оно увеличилось на 22 дѣвочки, т. е. на 81%.

Изъ обучавшихся въ школахъ грамоты выдержали испы-

таніе въ знаніи курса одноклассной церковно-приходской школы и получили свидѣтельства на льготу по воинской повинности въ $18^{88}/_{89}$ учебномъ году 5 мальчиковъ, въ $18^{89}/_{90}$ учебномъ году 6 мальчиковъ, въ $18^{90}/_{91}$ учебномъ году 1 мальчикъ, въ $18^{91}/_{92}$ учебномъ году 1 мальчикъ и въ $18^{92}/_{93}$ учебномъ году 6 мальчиковъ.

Изъ обучавшихся въ школахъ грамоты выдержали испытаніе въ знаніи курса одноклассной церковно-приходской школы и получили установленныя свидѣтельства въ $18^{88}/_{89}$ учебномъ году 2 дѣвочки; въ $18^{89}/_{90}$ учебномъ году — не было; въ $18^{90}/_{91}$ — 11 дѣвочекъ; въ $18^{91}/_{92}$ учебномъ году — не было и въ $18^{92}/_{93}$ учебномъ году 2 дѣвочки.

Кромѣ сего выданы удостовѣренія въ знаніи курса школы грамоты въ $18^{91}/_{92}$ учебномъ году 92 мальчикамъ и 16 дѣвочкамъ и въ $18^{92}/_{93}$ учебномъ году 218 мальчикамъ и 54 дѣвочкамъ.

Израсходовано на содержаніе церковно-приходскихъ школъ какъ мѣстныхъ средствъ, такъ и пособій изъ разныхъ источниковъ въ $18^{88}/_{89}$ учебномъ году 4034 руб. 66 коп., или среднимъ числомъ на школу 130 руб. 15 коп.; въ $18^{89}/_{90}$ учебномъ году 3659 руб. 80 коп., или среднимъ числомъ на школу 118 р. 5 к.; въ $18^{90}/_{91}$ учебномъ году 3998 р. 40 коп., или среднимъ числомъ на школу 124 руб. 95 к.; въ $18^{91}/_{92}$ учебномъ году 4555 руб. 9 коп., или среднимъ числомъ на школу 130 руб. 14 коп.; въ $18^{92}/_{93}$ учебномъ году 5184 руб. 13 коп., или среднимъ числомъ на школу 126 руб. 44 коп. Такимъ образомъ въ общемъ средства церковно-приходскихъ школъ за истекшее пятилѣтіе увеличились на 1149 руб. 47 коп., т. е. на 28% , но такъ какъ за тотъ же періодъ число церковно-приходскихъ школъ увеличилось на 32% , то каждая церковно-приходская школа въ среднемъ къ концу пятилѣтія имѣла въ своемъ бюджетѣ средствъ на 4 р. 29 к. менѣе, чѣмъ въ 1-й годъ истекшаго пятилѣтія.

Израсходовано на школы грамоты какъ мѣстныхъ средствъ, такъ и пособій изъ разныхъ источниковъ въ 18⁸⁸/₈₉ учебномъ году 362 р. 52 к., или среднимъ числомъ на школу 30 р. 21 к., въ 18⁸⁹/₉₀ учебномъ году—262 р. 74 коп., или среднимъ числомъ на школу 17 р. 51 коп., въ 18⁹⁰/₉₁ учебномъ году—251 руб. 24 к., или среднимъ числомъ на школу—19 руб. 32 коп., въ 18⁹¹/₉₂ учебномъ году—735 руб. 47 коп., или среднимъ числомъ на школу 21 руб. 1 коп., и въ 18⁹²/₉₃ учебномъ году—1450 руб. 49 коп., или среднимъ числомъ на каждую школу 26 руб. 86 коп. Такимъ образомъ средства школь грамоты за истекшее пятилѣтіе въ общемъ увеличились на 1087 р. 97 к., т. е. на 300⁰/₀, но такъ какъ за тотъ же періодъ времени число школь грамоты увеличилось на 400⁰/₀, то въ среднемъ каждая школа грамоты къ концу пятилѣтія имѣла въ своемъ бюджетѣ средствъ на 3 р. 35 к. менѣе.

Движеніе денежныхъ суммъ Отдѣленія за истекшее пятилѣтіе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1889 году поступило на приходъ 106 руб., израсходовано 105 руб. 75 к., осталось 25 к.; въ 1890 году поступило на приходъ 1163 руб. 44 коп., израсходовано 906 руб. 86 коп., осталось 256 р. 58 к., въ 1891 году поступило на приходъ 2016 руб. 63 коп., израсходовано 1914 руб. 25 к., осталось 102 руб. 38 коп.; въ 1892 году поступило на приходъ 2429 руб. 79 коп., израсходовано 2283 р. 10 к., осталось 146 р. 69 к., и въ 1893 году поступило на приходъ 2291 р. 4 к., израсходовано 2132 р. 85 к., осталось 158 руб. 19 коп. Такимъ образомъ въ теченіи пяти лѣтъ Отдѣленіемъ Совѣта израсходовано на школьное дѣло 7342 р. 81 коп.

Въ книжномъ складѣ Отдѣленія въ 1892 г. было продано 714 экземпляровъ книгъ на сумму 85 руб. 69 коп., и въ 1893 году было продано 1602 экземпляра книгъ на сумму 190 руб. 58 коп.

За истекшее пятилѣтіе председатель, секретарь, казначей и всѣ прочіе члены Отдѣленія исполняли свои обязанности по Отдѣленію Совѣта безмездно, при чемъ председатель Отдѣленія уступалъ свою квартиру для собраній членовъ Отдѣленія, секретарь Отдѣленія давалъ въ своей квартирѣ помѣщеніе для канцеляріи Отдѣленія, у него же помѣщалась и бібліотека Отдѣленія. Кромѣ сего члены Отдѣленія, не имѣя отъ Глазовскаго земства бесплатныхъ билетовъ на поѣздки по обозрѣнію церковныхъ школъ, обозрѣвая школы, употребляли на то собственные средства.

Изъ сказаннаго о дѣятельности Глазовскаго Уѣзднаго Отдѣленія Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ минувшее пятилѣтіе видно, что труды членовъ сего Отдѣленія не пропали безслѣдно въ дѣлѣ образованія православнаго населенія Глазовскаго уѣзда подъ сѣнію Православной Церкви. Вышеприведенныя статистическія данныя о результатахъ дѣятельности Отдѣленія наглядно показываютъ, что Господь Богъ благословилъ труды работающихъ. Члены Отдѣленія сдѣлали, что могли. Но поле дѣятельности Глазовскаго Отдѣленія Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта еще очень обширно. Въ настоящее время изъ 67 приходовъ только еще въ 37 приходяхъ существуютъ церковно-приходскія школы и 30685 дѣтей обоего пола, изъ коихъ мальчиковъ 13222 и дѣвочекъ 17463, остаются безъ всякой грамоты. Открытіе церковно-приходскихъ школъ въ остальныхъ 30 приходяхъ и такого количества школъ грамоты, при которомъ бы все православное населеніе Глазовскаго уѣзда школьнаго возраста получило возможность обучаться грамотѣ подъ сѣнію Православной церкви, и составляетъ идеальную задачу дѣятельности Глазовскаго Уѣзднаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ ближайшемъ будущемъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

«КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ

ИЛИ

весь Православный Катихизисъ въ бесѣдахъ.

Второе исправленное и дополненное изданіе редакціи Журн. «Руководство для сельскихъ пастырей». Цѣна 1 руб. съ пересылкою. Продается въ конторѣ редакціи и у автора. Адресъ: Г. Елабуга, Священнику Каз.-Богородицкаго женскаго монастыря Іоанну Скарданицкому.»

Церковно-приходскимъ попечительствомъ села Елеевскаго, Уржумскаго уѣзда, 15 Іюня сего года назначаются торги на работы по устройству новаго каменнаго храма. Желающіе взять сіи работы приглашаются явиться къ означенному числу въ с. Елеевское съ одобрительными свидѣтельствами и законными залогами.

СОДЕРЖАНІЕ: О религіозно-нравственномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, въ связи съ вопросомъ о преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ школахъ. Архіепископъ Волынскій (бывшій Епископъ Вятскій) Агаѳангель (Соловьевъ). Пять лѣтъ дѣятельности Глазовскаго Уѣзднаго Отдѣленія Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Объявленія.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць— 1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 4 руб., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 5 руб.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Петръ Смирновъ*.

Преподаватель Семинаріи *Павель Смѣлковъ*.

Дозволено цензурою. Вятка. 25 Апрѣля 1894 года.

Цензоръ, Протоіерей *Николай Кувшинскій*.

В Я Т К А.

Типографія *Майшеева*,
бывшая
Кукулина и Красовскаго.

1894.

